

30. *Басилов В.Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1992. — 328 с.
31. *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. — Л.: Наука, 1991. — 320 с.
32. *Валиханов Ч.Ч.* Статьи из «Географического статистического словаря Российской Империи» // Собр.соч. — Алма-Ата: Гл. ред. Казахской сов. энцикл., 1985. — 461 с.
33. *Кыдырбаева Р.З.* Эпос «Манас»: генезис, поэтика, сказительство. — Бишкек: Шам, 1996. — 408 с.

УДК 94(47) «17»

## К вопросу о предполагаемом масонстве российского императора Павла I

Сорокин Ю.А.

*Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского, Россия*

Мақалада XVIII в. соңындағы Ресей Империясының саяси тарихындағы маңызды феномен масондық және масондар қарастырылған. Ұлы князь, тақ мұрагері Павел Петровичтың масон ұйымына кіргені жөніндегі сұрақ тарихи әдебиетте ауқымды таласқа ие болды. Көптеген авторлар, оның ішінде абыройлы да, шебер тарихшылар Павел Петровичтың масондық ұйымға мүше болғаны жөніндегі ақиқатты мойындауға жақын тұрды. Аталмыш мақалада жоғарыда айтылған тұжырымды құптайтын әдебиеттер де берілген, бірақ дәлелдік күші жоқ деректер мен ақиқаттар зерттелген. Сондай-ақ Екатерина дәуірінде масондық қандай маңызға ие болды деген тұрғыдан тағы да бір рет талданған.

The article observes an important phenomenon of political history of Russian Empire in the last third of XVIII century freemasonry and freemason. The question about supposed freemasonry of great prince and an heir to the throne Cesarevitch Pavel Petrovich called wide polemic in historical literature. Overwhelming mass of authors with venerable historians, acknowledged authorities among of them are inclined to admit the fact Pavel Petrovich's membership to the Craft. The given article examines arguments and proofs told in the literature during the polemic for the sake of this statement, which was called not to have proved power. The article researches one more detail about what it was like to be mason in Yekaterina's epoch.

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. в отечественной исторической литературе появился ряд публикаций, посвященных так называемому «политическому масонству» начала XX в. [1–3]. Публикации вызвали громкий научный и общественный резонанс. Интерес к проблеме вызвал поток не только научных, но и квазинаучных сочинений, причем именно последние стали определять тот социальный фон, на котором разворачивалась деятельность профессиональных историков. Позднее были переизданы классические труды по истории российского масонства [4–8]. Появились сборники статей и отдельные публикации о масонах откровенно апологетического содержания [9], хотя в обыденном сознании (в меньшей мере в научном сообществе) возобладали преимущественно негативные оценки их деятельности в России, во многом аналогичные положением, высказанным еще в 1932 г. председателем Архиерейского собора Русской Православной Церкви за границей митрополитом Антонием. Православный священник писал, в частности: «Одним из самых вредных и поистине сатанинских лжеучений в истории человечества является масонство... Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы с Богом, с христианством, с Церковью, с национальной государственностью и особенно государственностью христианской» [10; 173]. Конечно, современные ученые с большей осторожностью рассуждают о всемирном масонском заговоре или о гибели Российской Империи в результате деятельности масонских лож, но негативные последствия влияния масонства на русскую культуру и русскую политическую жизнь признаются сегодня некоторыми современными российскими авторами.

Сама природа исторического познания заставила людей, изучавших «политическое» масонство начала XX в., обратиться к более ранним периодам его истории, в частности, к «золотому веку» российского масонства — XVIII столетию.

Материалы XVIII в. предоставили широкий простор для многочисленных философских и исторических спекуляций, связанных с деятельностью масонских лож в России. Одна из самых популярных — возможное масонство великого князя и наследника российского престола, а с ноября 1796 г. — российского императора Павла Петровича.

За последние два десятилетия в России подготовлено огромное количество публикаций и о Павле I, и о Екатерине II. Сюжет о масонских ложах и их деятельности, а также о членстве Павла Петровича в масонских организациях не был обойден вниманием. Наметилась любопытная закономерность: те авторы, которые высоко оценивали деяния Екатерины II, признавали гонения на масонов в ее царствование (иногда косвенно) вполне оправданными, а, следовательно, деяния масонов вынуждены были рассматривать как некое зло. Признавая, что Павел I переименовал многое из сделанного Екатериной Великой, эти авторы склонны гиперболизировать его связь с масонскими ложами. То есть для них Павел в сравнении с Екатериной плох уже потому, что тесно связан с масонами. К примеру, современный исследователь В.С.Лопатин без всяких сомнений называет Павла «царем-масоном» на том основании, что новый император с первых дней окружил себя масонами, приступил к опусканию русской армии (главным его помощником в этом деле выступил масон Репнин), боялся народного героя А.В.Суворова, подвергнув его «неожиданной и вдвойне несправедливой опале» [11; 149–151] и т.п. Итак, авторы, склонные со знаком «плюс» оценивать деяния и личные качества Екатерины, противопоставляя мать сыну, со знаком «минус» оценивают деяния и личные качества Павла, объясняя их, не в последнюю очередь, его масонством.

Историки, пытающиеся отойти от преимущественно негативных оценок павловской эпохи, не ставят вопроса о возможном масонстве Павла Петровича вовсе, чтобы не добавлять негативных характеристик своему герою. А.М.Песков, автор книги о Павле I, изданной в серии «Жизнь замечательных людей», прямо указывает: «Масонство Павла — особый сюжет, не вмещающийся в основной корпус анекдотов, документов и комментариев, их которых составлена эта книга, — потому, что это сюжет для чуждого нам мифа, предполагающего поиск тайных недругов вне нас...» [12; 344].

Историографическая ситуация осложнена еще и тем, что достоверных исторических источников как о деятельности масонов в России вообще, так и о масонстве Павла Петровича в частности до наших дней почти не дошло, что позволяет авторам чересчур смело, в зависимости от своих научных и политических симпатий, интерпретировать отдельные правительственные указы, свидетельства мемуаристов, эпистолярное наследие и проч. Следует признать правоту профессора Института истории Польской академии наук Людвика Хасса, призывавшего коллег: «Именно в наши дни необходим, как никогда раньше, спокойный и взвешенный подход к разбираемой теме, не «разоблачения», а объективный анализ. Поэтому сейчас необходимо прежде всего уделить глубочайшее внимание историко-ведческому, методологическим и методическим вопросам истории русского масонства...» [3; 25]. Увы, призыв почтенного исследователя отказаться от излишней политизации при обращении к данной проблематике, по большому счету, так и не был услышан. Малопочтенные мифы обыденного сознания по отношению к масонам, пережившие столетия, продолжают тиражироваться и в наши дни. К примеру, тетушка Г.Р.Державина Ф.С.Блудова считала масонов «отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют». Редкая работа современных авторов обходится без пересказа этой цитаты из мемуаров Державина. Обычно мысль Ф.С.Блудовой подается как своеобразный «Vox populi».

Цель настоящей статьи — разобрать высказанные в литературе представления о русском масонстве последней трети XVIII в. и о возможном членстве в масонских ложах Павла Петровича.

Мы вправе выделить два подхода к решению вопроса о природе и сущности масонства. Первый связан с абсолютным отрицанием каких бы то ни было положительных черт у масонов. Начало этой традиции в России заложила Екатерина II. Считается, что она является автором брошюры «Тайны противонелепого общества» (1780 г.), в которой масонство откровенно высмеивается как «болтанье и детская игрушка». В первой половине 1786 г. в Эрмитажном театре были поставлены три комедии, разоблачавшие «мартышек» («Обманщик», «Обольщенный», «Шаман Сибирский»). Императрица с гордостью писала своим иностранным корреспондентам об огромном успехе ее пьес. Понятно, что в Санкт-Петербурге масонов начали высмеивать и порицать. Отзвуки этого порицания зафиксировал еще А.С.Пушкин, заметивший: «... Старушки бранят повес франмасонами и волтерьянцами — не имея понятия ни о Вол(тере), ни о фр(анмасонстве)» [13; 178]. По В.И.Далю, «фармасон» в живом великорусском языке есть «вольнодумец и безбожник» [14; 532]. В обществе упорно носились слухи, что масонские ритуалы не только богохульны, но и кровавы [15; 96]. Разгром московских масонов в 1792 г. и расправа над Н.И.Новиковым стали квинтэссенцией екатерининской политики по отношению к «вольным каменщикам». В последующие времена отношение к масонству, по словам Н.А.Бердяева, носит характер исключительно эмоциональный, а не познавательный. Он справедливо

отмечал, что в XX в. «вопрос о масонстве ставится и обсуждается в атмосфере культурного и нравственного одичания, порожденного политическим ужасом перед революцией. ... Розыск агентов «жидо-масонства», мирового масонского заговора имеет ту же природу, что и розыск большевиками агентов мирового контрреволюционного заговора буржуазии. Толком никто ничего о масонстве не знает. Обличители масонства питаются подметными листами, крайне недоброкачественными и рассчитанными на разжигание страстей, написанными в стиле погромной антисемитской литературы» [16; 92].

Пояснения Н.А.Бердяева применимы, к сожалению, не только к русской эмигрантской литературе. В Советском Союзе о масонах и масонстве писали не только ученые, но, едва ли не в большей степени, журналисты и политические обозреватели. Примером может служить книжка собственного корреспондента газеты «Правда» в Италии Г.Р.Зафесова, изданная в серии «Империализм. События. Факты. Документы» [17]. Автор обличил «невидимое» влияние масонства, «претендующего ныне не более и не менее как на вершителей судеб стран и народов». Эта традиция сохраняется и в современной России. С 1996 г. издается серия историко-архивных исследований под названием «Терновый венец России». О.А.Платонов, книги которого, как следует из аннотации, посвящены «изучению тайной войны против России западных иудейско-масонских организаций и спецслужб», издал в этой серии весьма объемный труд (91 п.л.), разделы которого прекрасно передают его содержание, например: «Цели и задачи преступного сообщества масонов», «На путях заговоров и революций», «Связи масонов с еврейскими большевиками» и т.п. [18] Еще раз подчеркнем, что подобные издания рассчитаны в первую очередь на массового читателя, на формирование определенных стереотипов и клише, влияющих на обыденное сознание. Добросовестные ученые брезгают критикой такого рода сочинений, обходят их презрительным молчанием и, может быть, напрасно.

Другая традиция в отношении природы и сущности русского масонства гораздо менее политизирована и представлена трудами крупнейших русских историков и философов, среди них В.О.Ключевский, П.Н.Миллюков, прот. Георгий Флоровский, Р.В.Иванов-Разумник, В.В.Зеньковский, М.Н.Лонгинов, А.Н.Пыпин, Г.В.Вернадский и многие другие. Они по-разному понимали идеологию и мировоззрение русских масонов, дали неодинаковое толкование их практической деятельности (прежде всего Н.И.Новикова), неоднозначно оценивали вклад масонов в формирование русской культуры и проч. Их построения роднит одна общая черта: они считали масонство в России явлением далеко не случайным, подходили к его изучению как к изучению особого социально-политического и культурного феномена, пытались опереться на источники и т.п. Масонство для них не мишень, а объект изучения. При таком подходе пропадала возможность говорить о борьбе масонов с «христианской государственностью», об их борьбе с политическим режимом Екатерины II, о претензиях масонов на мировое господство, о засилье еврейского начала в масонстве (по крайней мере, применительно к XVIII в.) и проч. По счастью, традиция научного изучения истории русских масонов не прервалась и в наши дни [19–21]. Существуют и дельные популярные статьи о масонах [22].

Итак, в обыденном сознании и некоторых публикациях, претендующих на научность, доминировали и доминируют однозначно негативные оценки масонов как непримиримых врагов православия, церкви, государства, русского народа; одновременно в ряде публикаций имеют место представления о масонстве как о куда более сложном и значимом явлении.

Суммируя высказанные философами и историками мнения, получим следующие представления о сущности и природе масонства, утвердившиеся в научной литературе. Век просвещения породил в России увлечение европейскими философскими конструкциями. Любимым автором Екатерины, а вслед за ней и большинства русской читающей публики, сделался Вольтер. Мы разделяем следующее мнение С.Е.Юркова о Вольтере и вольтерьянстве: «В его трактатах и романах «просвещенная молодежь находила привлекавший ее дух скептицизма и иронии, сочетавшийся с культом гедонизма и чувственных удовольствий»» [21; 109]. Понятия «вольтерьянец» и «вольнодумец» стали синонимами. Быть таковыми стало и модно, и престижно — подданный, по принципу «мир живет примером государя», лишь уподоблялся императрице. Но, с гордостью называя себя «вольтерьянкой», Екатерина должна была соотносить свои идейные убеждения (если признавать наличие таковых) с делами управления огромной империей, с необходимостью укрепить существующий в России политический режим. Именно поэтому русские вольтерьянцы, подобные Екатерине, не могли и не желали следовать идеям выдающегося французского мыслителя в полном объеме. По мнению П.Н.Миллюкова, сама Екатерина продолжала понимать вольтерьянство «в более узком и низменном смысле эпохи своего детства: в смысле победы «здорового смысла» над «суеверием» — в смысле легкой чистки человеческих мозгов, а не упорной борьбы за реформу человеческих учреждений и верований» [23; 341]. Под

понятия «суеверия» и «предрассудки» русские вольтерьянцы готовы были подвести православие, Русскую Православную Церковь, традиционную мораль, принятую в обществе систему ценностей, стереотипы поведения и многое другое. Отсюда — превращение отрицания в этический принцип, норму жизни, когда отрицание смысла, релятивизм становятся сущностью и оправданием существования самого вольтерьянства. В представлениях XIX в. вольтерьянец характеризовался такими чертами как поверхность, насмешливость, критицизм, склонность к отрицанию и разрушению авторитетов, эгоизм, тщеславие, отсутствие понятия о долге и жертве [21; 110, 111].

Впрочем, справедливости ради отметим, что русский дворянин самого Вольтера, как правило, не читал, а всего лишь следовал примеру государыни или новой моде. «Новые идеи служили доказательством утонченного образования в высших кругах светского общества. Какой-нибудь князь X или граф Y сообщал в кружке гостей самую последнюю парижскую новость, привезенную с только что полученной почтой или лично услышанную за границей. Бога, оказалось, вовсе нет, а попы и монахи — простые шарлатаны. Эти самоновейшие открытия «философов» разносились сливками петербургского общества с таким же усердием, с каким они привыкли разносить городские сплетни и слухи», — писал П.Н.Милюков [23; 342]. Однако действительно думающие и читающие русские люди, искренне возражая против «мнимой набожности» и никогда не путая философское наследие Вольтера с «русской карикатурой» на французский оригинал, не могли долго разделять взгляды, так ярко описанные П.Н.Милюковым. В лучшем случае для них это было сиюминутное увлечение, игра. В этом смысле характерна эволюция взглядов Д.И.Фонвизина. В Петербурге, попадая в тон веселой компании, он смеялся и вышучивал православие. Но, посетив Москву, побеседовав с Г.Н.Тепловым, пережив настоящий духовный кризис, Денис Иванович сделался «стародумом», идеализируя, в частности московскую старину. Другой молодой человек, И.В.Лопухин, не удовлетворившись только сочинениями Вольтера, проштудировал других французских философов, в частности фундаментальный труд Гольбаха (материалиста и атеиста, идеолога французской буржуазии [24; 120]) «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного», сделал из него переводы, но затем сжег их и во искупление написал рассуждение «О злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями». Подобно Фонвизину, Лопухин искал спасения в вере, но нашел его не в православии, а в масонстве. Этим же путем пошли Н.И.Новиков, И.П.Елагин и другие виднейшие русские масоны.

Принципиальный вывод П.Н.Милюкова о том, что от вольтерьянства возможна эволюция либо к православию, либо к масонству, как будто разделяется всеми современными специалистами. Справедливости ради отметим, что у вольтерьянца была еще одна возможность: покинуть Петербург, уехать в деревню и там закоснеть в своем скептицизме. «Екатерининский вольтерьянец Свой праздный век в деревне пробрюзжал», — со знанием дела писал Максимилиан Волошин. По данным Н.Д.Чечулина, финал у вольтерьянца был трагичен: меланхолия, мизантропия, даже самоубийство [25; 78]. Отсюда проистекает важнейшая составляющая русского масонства — его близость к христианству, по крайней мере, с точки зрения самих «вольных каменщиков». На вопрос немецких масонов их русские братья твердо ответили, что обряды Греко-российской церкви так сходны с масонскими, что нельзя сомневаться в том, что они имеют один источник [26; 137]. Московский митрополит Платон, испытав твердость в вере Н.И.Новикова, доносил Екатерине, что молит Бога, «дабы во всем мире были христиане таковые, как Новиков». При этом Платон осудил «гнусные и уродливые порождения так называемых энциклопедистов» [27; 836, 837]. Впоследствии И.В.Лопухин, ставший одним из самых заметных русских масонов, написал работу «Нравственный Катехизис истинных франмасонов». Вот выдержка из него:

Вопрос. «Какова цель Ордена истинных франмасонов?»

Ответ: «Главная его цель та же, что и у Христианства»

Вопрос. «В чем должна главным образом заключаться деятельность истинного франмасонства?»

Ответ: «Следовать Иисусу Христу» [28; 362].

Чтобы сделаться масоном, по Лопухину, надлежит добиться проникновения «всего себя Страхом Божеским и применение этого в поступках, тщательное следование всем законам, указанным в Евангелии. ... Усердно и верно следовать всем догматам и наставлениям своей религии. Только принадлежащие к христианской религии могут быть допущены в общество Рыцарей — искателей истины» [28; 361]. Стало быть, для русских образованных людей, подобных Новикову и Лопухину, масонство есть религия и вера, но только очищенная, облагороженная разумом. Масонство для них есть «духовное христианство».

Одновременно, по мысли крупного русского философа В.В.Зеньковского, масонство было явлением внецерковной религиозности, свободной от всякого церковного авторитета. В итоге, с одной стороны, масонство уводило от «вольтерьянства», с другой — от Церкви. Русские масоны были «западниками», они ждали откровений и наставлений от «западных» братьев, поэтому положили так много труда для приобщения русских людей к огромной религиозно-философской литературе Запада [29; 64, 65]. Масонство полагало себя вместилищем надысторической и универсальной религиозности, основанной на внутренней уверенности в существовании общечеловеческого нравственного закона. Приоритетным для масонов, по мнению М.И.Микешина, является воспитание и образование, а не борьба за нового человека; убеждение, а не принуждение; прощение, а не месть. Масонство предлагает пройти путь, но не претендует на обязательность [20; 163].

Верно и то, что во второй половине XVIII в. традиционное православие удивительным образом сочеталось в умах и душах, и не только у масонов, с верой в магию, кабалистику, оккультизм, алхимию и проч. Все большую роль в масонстве играла мистика. Все это вкупе обычно называлось оккультными науками. Их ядром служили так называемые «герметические» науки — по имени Гермеса Трисмегиста, которому приписывалось изобретение письменности, наук и искусств. Среди «герметических» наук на первый план выходили алхимия, позволявшая найти философский камень и на его основе создать Панацею — всеобщее лекарство для людей, и астрология, покоящаяся на вере в зависимость людских судеб от движения небесных тел. Масоны различали науки древние и современные (для XVIII в. — Ю.С.). К первым относили магию, т.е. сверхъестественную способность человека воздействовать на живую и мертвую природу, и ее разновидности — теургию (возможность избранных общаться с богами и духами) и каббалу (поиск смысла всех вещей в буквах и цифрах, исцеляющих средств — в амулетах и формулах; отсюда проистекала вся масонская символика). Среди современных наук масонов заинтересовал так называемый «животный магнетизм», открытие которого приписывали французскому врачу Месмеру.

Для христианских церквей все поименованное выше обозначается как суеверие («тщета мирская», по В.И.Далю) и ни при каких условиях не могло быть одобрено. В силу указанных обстоятельств не только Русская Православная Церковь, но и католическая церковь в лице Папы римского не могли принять деятельность масонских лож. Принято считать, что папа Клементий XII специальной буллой от 24 апреля 1738 г. установил, что «принадлежность к масонству несовместима с католической верой и ведет к немедленному отлучению от церкви» [17; 17]. Именно поэтому иезуиты, после роспуска их ордена пригретые в России Екатериной, сделались врагами масонов [30; 364], именно поэтому русские православные иерархи возвышают свой голос против масонов, вплоть до сегодняшнего дня [31], и также поступают католические священники [32].

С точки зрения многих авторов, мораль масонства была хорошо проработана. Основу ее составили нравственное совершенствование личности (по крайней мере, для низших степеней посвященных) на основе стремления к добру, избегания зла и самопознания. В пику вольтерьянству в масонстве существовал запрет на смех (высмеивание других), ибо это разрушало братскую любовь. Надлежало также избегать чувственных удовольствий, в том числе чревоугодия и физической близости, смиренно сносить бедность и болезни. С.Е.Юрков полагал, что земной мир, плоть и сатана связаны в масонской идеологии и морали неделимым единством. Этот мир для масонов есть зло, царство антихриста, поэтому и все явления посюстороннего мира, в том числе искусство и наука, есть дьявольское порождение, нравственное зло [21; 117, 118]. Подобный вывод вызывает возражение. На наш взгляд, масоны признавали наличие зла в мире и обществе и всеми силами пытались бороться с ним разнообразнейшими способами, но они, конечно же, не отрицали этот мир подобно альбигойцам, исмаилитам или богомилам. Жесткая нравственная требовательность масонов и их широкая благотворительная деятельность — лишнее тому подтверждение.

Увлечение масонов мистикой и оккультизмом приводило к их стремлению окутать свою деятельность глубокой пеленой таинственности. Природу ее удачно вскрыл С.Е.Юрков. По его мнению, таинственность с позиций семиотических есть центр повышенного внимания, область «сверхзначимости». С гносеологических позиций тайна — напоминание о том, что не все в мире доступно рациональному познанию, что существует сфера неподвластного разуму вечного «иноного». С психологической точки зрения таинственность есть балансирование на грани бытия и небытия, знание о котором способно перевернуть реальный мир. Все это обостряется в атмосфере присутствия смерти — отсюда и вся масонская обрядность с кровью, черепами, скелетами, раскаленным железом, черным цветом, надписями «*emento mori*» и прочими ужасами. Именно поэтому масон, по мнению С.Е.Юркова,

«чужд» этому миру, в то время как вольтерьянец просто «другой». Тайнственность всегда серьезна и всегда значительна. Отсюда и страх, который вызывали масоны у обывателя и который трактуется исследователями как «благоговейный», «суеверный», «панический». Одновременно тайнственность есть способ оградиться от все более проникающего в частную жизнь подданных государственного начала [21; 118–121].

Впрочем, русские масоны, по словам Н.Н.Новикова, зачастую обходились с «масонством как игрушкой, ужинали и веселились». Другой известный русский масон — И.П.Елагин признавал, что заседания лож сводились к непонятым обрядам и пьянству. В этом случае масонские ложи превращались в своеобразные клубы с бильярдом и обильными возлияниями, в которых можно было, однако же, завязать полезные знакомства. В целом, как справедливо указывает Л.Хасс, масонская организация была прежде всего местом, где могли встречаться и общаться без предвзятости, в атмосфере полного доверия люди различных взглядов и убеждений [3; 26]. Возникло также несколько организаций, по форме близких к масонским, но не являвшихся таковыми. Одну из них основал П.И.Мелиссино, занимавший при Екатерине II должность директора Адмиралтейского и императорского кадетского корпуса. Речь идет о знаменитом «Филадельфийском обществе». Видный русский историк — великий князь Николай Михайлович полагал, что в этом обществе великосветские повесы вроде братьев Зубовых «проходили курс всевозможных беспутств под опытным руководством старого сатира Мелиссино» [33; 120].

Историки много спорят об организации масонских лож, их численности и составе. Отвечая на этот вопрос, должно всякий раз делать определенную хронологическую привязку, ибо ситуация в России второй половины XVIII в. менялась с калейдоскопической быстротой. Обычно называют цифру 187 лож четырех направлений: английское (глава И.П.Елагин), шведское (глава А.Б.Куракин), рейхельское (глава барон Рейхель, затем И.П.Елагин), берлинское (глава И.Г.Шварц). В свою очередь в направлениях принято выделять виды: мартинисты, розенкрейцеры и т.п. Специально подчеркнем, что, по мнению С.Е.Юркова, русские масоны не поднимались выше третьей степени посвящения, в то время как в некоторых ложах степеней (градусов) насчитывалось 33, а иногда и 99 [22; 496].

О причинах разгрома масонских лож и расправе над Н.И.Новиковым в литературе высказаны различные мнения. Историк Б.Телепнев склонен был ставить вопрос в такой плоскости: «На первый взгляд кажется странным, чтобы орден, проповедовавший верность Монарху, нравственную жизнь и веру в Бога, был бы столь преследуемым... Но разные причины соединились вместе, чтобы превратить императрицу во врага масонства». Среди них историк называет следующие: Петр III был масон, как и его ближайшее окружение, ненависть к мужу перенесена на масонов; прусский король Фридрих Великий, сделавшийся главой германских масонов, одновременно «заклятый враг» Екатерины, а русские «братья» подчинились германским; иезуиты, к которым Екатерина относилась с нескрываемой симпатией, были противниками масонов; императрица «не презирала» французских либеральных философов, с мнениями которых боролись русские масоны [30; 364]. Ряд историков высказали мнение о том, что Екатерина рассматривала масонов как последовательную оппозицию своему царствованию. Г.В.Вернадский считал эту оппозицию консервативной, Л.Хасс полагал, что масонство объединяет людей «всех оттенков либерального мировоззрения» [8; 295, 3; 26]. Во всяком случае, Екатерина, не находя различий между отдельными направлениями и видами масонства, склонна была объявлять масонами всех своих противников, истинных или мнимых. В число подозреваемых в масонстве попал даже Г.Р.Державин, некстати переведший на русский язык 81 псалом Давида с обращением к Богу: «Приди, суди, карай лукавых И будь един царем Земли». П.Н.Милюков высказал оригинальную точку зрения, согласно которой Екатерина не обращала на масонов никакого внимания, пока они занимались внутренним самосовершенствованием или тайнственными алхимическими опытами. Но масонство, как частное общество с задачами общественного характера, как организованная общественная сила, располагавшая крупными денежными средствами, распространявшая свою литературу по всей России, сильная своим влиянием на общество и крепкая внутренними убеждениями (именно такой становилась организация Новикова), не могло существовать в самодержавной России [23; 370]. С точки зрения И.Ф.Худушевой, Екатерина II испугалась не только политических программ масонов, но и сугубо религиозно-этической литературы, издаваемой ими, испугалась не деистов или нигилистов, а людей, искренне верящих [19; 143], и именно потому, что сама была плохой христианкой.

Однако подавляющее большинство исследователей сходятся во мнении, что судьба русских масонов в век Екатерины «была более всего следствием подозрений, возбужденных в Екатерине отношении их к ее наследнику» [7; 336]. Связь цесаревича Павла Петровича с масонами и возможное

посвящение великого князя привело, по их мнению, с одной стороны, к разгрому московских мартинистов и роспуску масонских лож в целом по стране, с другой — к попыткам императрицы передать корону внуку Александру, в обход законного наследника Павла Петровича. Нетрудно заметить, что при таком подходе вопрос о возможном членстве Павла в масонских ложах из частного трансформируется в кардинальный, связанный с поисками оптимальных путей развития Российской Империи, формированием государственной идеологии, вопросами престолонаследия и проч.

Так был ли Павел Петрович членом масонских лож? Ответ на этот вопрос, казалось бы, очевиден. В исторической литературе порядочно изучены социально значимые качества личности цесаревича, его политические идеалы, отношения с матерью и большим двором, его ближайшее окружение, дан качественный анализ текстов его сочинений, исследована, наконец, политика Павла в качестве императора. Как бы ни понималась им сущность масонства (в том числе: приверженность к антихристу, враждебность православной государственности, «своего рода моральный интернационал», «толстовство XVIII в.», «инициационная школа», нравственная теория, занятия оккультными науками, духовное христианство и проч.), это будет находиться в кричащем противоречии с его личностными характеристиками, политическими идеалами и симпатиями, деяниями в качестве цесаревича и государя.

Тогда откуда же проистекает твердое убеждение многих и многих историков в масонстве Павла Петровича, перекочевавшее затем в популярную литературу и ставшее фактом обыденного сознания? Рассмотрим некоторые аргументы, высказанные в пользу масонства цесаревича различными исследователями.

Целый ряд авторов полагают, что среди учителей маленького великого князя было много масонов. Среди них обычно называют П.И.Панина, Т.И.Остервальда, С.И.Плещеева, С.А.Порошина и других. Видными масонами стали друзья детства цесаревича, росшие и воспитывавшиеся зачастую рядом с маленьким Павлом, например кн. А.Б.Куракин. Особняком в этом ряду стоит фигура графа Н.И.Панина, главного воспитателя наследника, дружбу с которым Павел Петрович пронес через всю жизнь и перед памятью которого благоговел. Граф Никита Иванович также заметная фигура в масонских кругах. После совершеннолетия и женитьбы Павла Петровича историки продолжают находить в его окружении большое количество масонов. Г.В.Вернадский намекает на связь масонов с Марией Федоровной, второй супругой Павла, полагая, что Н.И.Панин именно поэтому обратил внимание на ее кандидатуру [8; 121]. Твердо установлено, что, едва сделавшись императором, Павел I призвал к себе из Литвы видного масона Н.В.Репнина, получившего вскоре чин фельдмаршала, из Москвы — А.Б.Куракина, секретарем государя сделался И.В.Лопухин; таким образом, заключают историки, Павел Петрович был окружен масонами чуть ли не с рождения до гробовой доски. На этом основании делался вывод не только о заметном влиянии на Павла носителей масонской идеологии и морали, прежде всего братьев Н.И. и П.И.Паниных, но и о том, что мировоззрение цесаревича оказалось сформировано масонами.

Наш комментарий к такого рода построениям сводится к следующему. Считая все приведенные выше факты доказанными, соответствующими действительности, мы, вместе с тем, готовы указать на целый ряд позиций, мимо которых обычно проходят исследователи. Воспитателей и учителей к сыну подбирала сама Екатерина II. Она же утвердила Н.И.Панина главным воспитателем цесаревича. И если среди воспитателей и кавалеров Павла оказалось много масонов, то не Павла Петровича надобно в этом обвинять. Похоже, императрицу в данном случае более интересовали профессиональные и человеческие качества учителей, а не их членство в масонских ложах. Наконец, и свобода совести не была совершенно чужда Екатерине об эту пору. Соответственно, в рамках придворной службы к великокняжескому двору придворные назначались с согласия государыни, среди них были и друзья детства, ставшие впоследствии масонами. Все эти люди избраны, скажем еще раз, Екатериной, именно ими ей угодно было окружить сына. Когда же сам Павел получил возможность выбирать, в его ближайшем окружении появились Аракчеев, Оболянинов, Кологривов, Линденер, Каннабих и другие «гатчинцы», которых никогда и никто масонами не считал. Кстати, именно они, а не Н.В.Репнин, А.Б.Куракин, И.В.Лопухин и иже с ними играли заглавные роли во время царствования Павла I. Итак, Павел Петрович действительно был близко знаком и даже дружен со многими масонами, но на этом основании неверно делать вывод о масонстве Павла даже с позиций формальной логики.

В литературе доказано, что учитель и ученик, гр. Н.И.Панин и великий князь Павел Петрович, придерживались совершенно разных взглядов на самодержавие, конституцию, дворянское самоуправление и проч. [34; 184–186]. Политическое кредо цесаревича — самодержавие, Никита Иванович ратовал за аристократическую конституцию. Если уж Панин не смог привить царственному вос-

питаннику свои политические симпатии, то на каком основании можно утверждать, что он передал масонские? Понятные человеческие чувства наследника — любовь и признательность к человеку, фактически заменившему отца, — вдруг сделались основанием для вывода о масонстве Павла Петровича.

Желание вывести масонство Павла из особенностей его окружения и воспитания нередко играет с исследователями злую шутку. Г.В.Вернадский повествует о желании консервативной оппозиции, т.е. масонов, найти в цесаревиче истинного государя и об их усиленной переписке с Павлом начиная с 1769 г. [8; 295], т.е. с того времени, когда великому князю шел пятнадцатый год. На основе этого утверждения авторитетного историка многие современные авторы склонны говорить о масонстве Павла чуть ли не с этого времени, забывая, что детей в масонские ложи все-таки не принимали. Г.В.Вернадский ставит вопрос в иной плоскости: масоны связывали свои надежды с будущим государем, рассчитывая медленно и постепенно укрепить свое влияние на него, а пока «составить как бы священную охрану *своего* (выделено Вернадским. — Ю.С.) государя — цесаревича, защищая его от всех возможных случайностей дворцовой интриги» [8; 296]. Формулируя тезисы к своей диссертации «Русское масонство в царствование Екатерины II», Г.В.Вернадский собирался защищать положение о том, что «масонство было тесно связано — или, по крайней мере, стремилось себя тесно связать — с цесаревичем Павлом Петровичем. Он и был для масонов реальным воплощением «Святого царя» их утопий; утопии эти появляются в тех же 1784–1785 гг., когда усиливаются попытки новиковского кружка завязать постоянные сношения с цесаревичем ...» [8; 501, 502]. Из приведенных выдержек совершенно не ясно, когда же масоны пытались «уловить» Павла в свои сети: в 1769 г. или пятнадцать лет спустя? И если в 1784 — 1785 гг. масоны, по Г.В.Вернадскому, еще только усиливают попытки завязать постоянные отношения с Павлом Петровичем, не означает ли это, что до этого времени все их попытки заканчивались безрезультатно? Маститый историк совершенно прав, когда утверждает, что для русских масонов «указанный Святым Промыслом Государь это — Павел Петрович, спасти его от «угрожений» и давал обещание масон шведской системы. Десница истинного масона должна была поддерживать не лицо, сидящее на престоле, а, наоборот, — от этого лица охранять истинного государя, наследника-претендента» [8; 297]. Никто и не возражает против того, что масоны связывали с восшествием на престол Павла Петровича совершенно определенные надежды, но это совсем не означает, что Павел давал им для этого поводы. Все дело в том, что только он законный наследник, и в этом качестве россияне присягнули ему еще в 1762 г. Другого «указанного Святым Промыслом Государя» в России в это время еще не просматривалось, поэтому все планы масонов строились в расчете на великого князя.

В литературе высказано мнение, что Павел не был пассивным зрителем, индифферентно наблюдавшим за деяниями масонов. Напротив, он видел в них политических союзников, совершенно явственно им покровительствовал, рассчитывал с их помощью «быстрее овладеть тронном». Подобные построения в своей основе имеют тезис о том, что Павел Петрович, неудовлетворенный своим статусом в империи, готов был вступить в борьбу за свои права, опираясь в том числе и на тайные масонские организации. В действительности, цесаревичу (факт твердо установлен) не нужен был престол любой ценой. Участия Павла в заговоре и дворцовом перевороте, аналогичном перевороту 1762 г., приведшему саму Екатерину к власти, императрица никогда не боялась. Лучшее подтверждение этому — наличие гатчинских войск. По спискам на 1796 г. они состояли из 2399 человек, в том числе в пехоте — 1675 человек (74 офицера), в кавалерии — 624 (40 офицеров), в артиллерии — 228 человек (14 офицеров) [35; 35]. Подчинялись гатчинские батальоны только Павлу. Напомним, что по традиции считается, будто бы Елизавета Петровна совершила удачный дворцовый переворот, имея под рукой лишь 80 преображенцев. Доброхоты напоминали Екатерине, что маневры павловских войск проходят слишком близко от ее резиденции, которую охраняли лишь 20 казаков, и возможны нежелательные эксцессы, но государыня лишь посмеивалась. Что же, она была так наивна, что не пугалась трех батальонов, преданных Павлу, но испугалась Новикова, «старичонки, скрюченного гемороидами», по слову графа К.Г.Разумовского, и его связей с Павлом, на поверку оказавшихся едва ли не вымышленными? Наивной Екатерина, разумеется, не была. Уверенность императрицы в том, что сын никогда не забудет своего долга по отношению к ней, кроется в личных качествах великого князя. Мать, зная их, вполне полагалась на преданность и стремление к законности Павла Петровича и его кредо: «Я — подданный Российский и сын императрицы российской» [36; 84]. Иначе говоря, Павлу не нужны были союзники в борьбе за престол ни со стороны масонов, ни со стороны А.В.Разумовского (последний впоследствии признавался в своих намеках Павлу на возможный переворот в его пользу), ни со стороны европейских монархов именно потому, что он не вел вообще ни-

какой политической борьбы, да и главным своим врагом он считал вовсе не мать, а Г.А.Потемкина, занявшего в империи то место, которое надеялся получить наследник.

Если, вслед за Е.С.Шумигорским, Т.О.Соколовской, В.С.Лопатиным и рядом других историков, признавать Павла Петровича масоном, то возникает вопрос о том, когда же именно царевич сделался «вольным каменщиком». Большинство авторов предлагают различные варианты вероятного вступления великого князя в масонскую ложу, все они укладываются в период 1776 — 1782 гг., — время «наибольшего распространения масонства в России в XVIII веке», по Т.А.Бакуниной.

Так, по одной из версий Павел Петрович сделался масоном во время своей заграничной поездки в 1776 г., когда он ездил в Берлин за невестой и был встречен Фридрихом II с тяжелой прусской помпезностью. Основанием для такого мнения стала известная специалистам брошюра с названием, которое в русском переводе звучит так: «Вступительная речь к принятию Святой Императорской Мастерской Российского Великого Князя в Фридрихсвилде 6 августа 1776» [5; 49].

По другой версии, представленной Е.С.Шумигорским, наиболее вероятной датой вступления цесаревича в ряды вольных каменщиков должно считать лето 1777 г. Посвящение Павла произошло под влиянием речей Н.И.Панина и А.Б.Куракина в Петербурге, принят он был сенатором И.П.Елагиным *келейно* (выделено Шумигорским. — Ю.С.), в собственном его доме, в присутствии Н.И.Панина. Эту позицию разделяет и современный исследователь В.И.Сергеев [37; 141, 142, 38; 328]. Основанием для подобного утверждения стала процитированная этими авторами со ссылкой на В.И.Семевского записка особенной канцелярии (В.И.Сергеев неверно называет ее «особой») Министерства полиции, носящая, по Е.С.Шумигорскому, характер официального документа. Ссылка на В.И.Семевского в статье Е.С.Шумигорского имеет следующий вид: «Минувшие годы. 1807, 11, 71» [37; 142]. В.И.Сергеев о публикации В.И.Семевского не упоминает вовсе. В отсылке Е.С.Шумигорского многое непонятно. Ясно, что В.И.Семевский ничего в 1807 г. опубликовать не мог, ибо родился с лишним сорок лет спустя; если же В.И.Семевский просто упоминает об этой записке в своих трудах, в свою очередь ссылаясь на публикацию 1807 г., тогда остается загадкой, кто и когда ее опубликовал. Во всяком случае, Министерства полиции не существовало ни в 1776, ни в 1807 гг. Министерство полиции как центральное административно-полицейское учреждение существовало в 1810 — 1819 гг.; его особенная канцелярия действительно осуществляла надзор за деятельностью масонских лож [39; 90].

Наконец, многие историки полагают, что Павел Петрович мог стать вольным каменщиком и в 1782 г., во время своего заграничного «ревю», когда он с женой, под именем графа и графини Северных, посетил ряд европейских стран.

Кроме Н.И.Панина и А.Б.Куракина, среди лиц, приведших Павла к масонству в зависимости от даты предполагаемого вступления чаще всего называют имена принца Генриха Прусского и шведского короля Густава III. Впрочем, последнего цесаревич не любил и даже презирал.

Подчеркнем, что три эти даты приводит, как правило, один и тот же историк в одной и той же работе. Не является ли это лучшим доказательством того, что для этих исследователей они являются не реальными, а лишь предполагаемыми, возможными датами вступления Павла Петровича в масонскую ложу. Однако бурные события, связанные с деятельностью Н.И.Новикова, заставляют нас отказаться от любой даты вступления Павла в масонские ложи в период с 1776 по 1782 гг., и вот почему. Хорошо известно, что русские масоны попытались напомнить о себе великому князю, действуя через крупного русского архитектора В.И.Баженова, известного Павлу с детства. По поручению масонов Баженов трижды встречался с Павлом Петровичем (в 1784, 1787 и 1791 гг.) и преподносил ему изданные Новиковым книги религиозного содержания. В разговорах с цесаревичем архитектор, по мнению Н.И.Новикова, «много врал и говорил своих фантазий», т.е. сопровождал масонское учение собственным политическим комментарием [8; 307]. Во время третьего визита Баженов был встречен Павлом с «превеликим гневом», при этом цесаревич заявил: «Я тебя люблю и принимаю как художника, а не как мартиниста, о них же и слышать ничего не хочу и ты рта не разевай о них говорить» [37; 146]. Начавшееся следствие по делу Н.И.Новикова вскрыло контакты мартинистов с великим князем, по крайней мере, шедшие через Баженова. Екатерина отнеслась к этому факту чрезвычайно болезненно. Следствию было поручено выяснить: «уловляли» ли и «уловили» ли мартинисты в свои сети «известную особу», т.е. наследника. К следствию был подключен известный С.И.Шешковский, глава Тайного департамента Сената. Материалы следствия незамедлительно поступали в Петербург, к государыне. Ее статс-секретарь Храповицкий, знакомый, естественно, с реакцией Екатерины, зафиксировал в своем дневнике, имея в виду Павла: «Он еще не масон» [40; 157, 158]. Именно поэтому

сурово обошлись лишь с Новиковым, прочие фигуранты (Н.Трубецкой, И.Лопухин, И.Тургенев, В.Баженов) фактически не пострадали. Масонские ложи были прикрыты.

Материалы следствия убедили Екатерину и должны убедить нас: в 1792 г. Павел Петрович «еще не масон»; стало быть, все рассуждения о его обращении до 1792 г. — лишь досужие вымыслы. Нам непонятна логика авторов, и дореволюционных, и современных, которые рассуждают о масонстве Павла в 1776–1782 гг. и тут же приводят выдержку из Храповицкого и реакцию Екатерины на материалы следствия по делу Новикова. Следует согласиться с Л.Хассом: «... неопровержимым доказательством принадлежности к ложе являются только членские списки лож... Историк обязан отличать организационные масонские документы в строгом смысле этого слова от всяких других масонских бумаг, вроде докладов на заседаниях лож, заметок и т.п. К обнаруживающимся в таких источниках сведениях о масонстве тех или иных лиц обязателен сугубо критический подход» [3; 28, 29]. Надо ли говорить, что таких документов, касающихся Павла Петровича, до сих пор не найдено.

Хорошо известно, что видный русский масон Шредер в беседах с одним из лидеров германских масонов Вельнером получил от «брата» совет: великого князя можно принять в орден. При этом предполагалось, что Павел займет пустующий пост Провинциального Гроссмейстера Восьмой автономной провинции ордена розенкрейцеров. [8; 309 и далее]. Однако в некоторых публикациях Павел уже фигурирует как Провинциальный Гроссмейстер в списках Главного Совета (Капитула) русской провинции. Вновь предполагаемое выдается за действительно бывшее.

В ходе следствия над Новиковым Екатерина обратилась к сыну за разъяснениями. Великий князь с негодованием отверг мысль о своем масонстве, назвав ее «клеветнически-лакейской», масонскую же теорию Павел считал «нагромождением бессмысленных слов». В другой раз слухи о своем масонстве цесаревич обозвал «сплетнями передней», причем сделал это в дружеской, неформальной обстановке, а вовсе не перед лицом государыни или ее доверенных лиц. Екатерина, повторимся, признала, что на великого князя «пасквиль склепан». Однако кто же автор «пасквиля»? П.Н.Милюков предлагает свой ответ на этот вопрос. Светлейший князь Г.А.Потемкин, намереваясь «вырвать зуб», т.е. скомпрометировать екатерининского фаворита П.А.Зубова, должен был доказать императрице свою незаменимость, не иначе как спасая ее от смертельной опасности. Случай представился с началом русско-турецкой войны, в ходе которой у России испортились отношения с Пруссией и Швецией. Государи этих стран сильно покровительствовали масонам, а русские масоны поддерживали связи со своими «братьями» в этих странах. А поскольку Павел имел контакты с масонами («довольно невинные», по Милюкову; Баженов, например, отстраивал наследнику Каменноостровский дворец) и состоял в переписке с русским послом в Берлине бароном Алопеусом, также масоном, возникла любопытная коллизия, позволявшая Потемкину держать императрицу в постоянном страхе. Остальное, по мнению П.Н.Милюкова, доделали слухи, один другого нелепее: благотворительная деятельность мартинистов в 1787 г., когда Новиков спас от голода сотни крестьян, подавалась как намерение «опереться на низшие классы»; Павлу помогут взойти на престол, а Екатерину устранят и т.п. У Потемкина, если верить П.Н.Милюкову, был готов даже ответ на вопрос: где мартинисты возьмут деньги — «очевидно, масоны делают фальшивые ассигнации» [23; 373]. В любом случае предполагаемое масонство наследника служит цели скомпрометировать цесаревича в глазах императрицы и одновременно скомпрометировать Павла в глазах двора, света, верхушечного слоя русского дворянства, о негативном отношении которых к масонам мы уже сказали.

Таким образом, ни один из авторов, признающих масонство Павла Петровича, не в состоянии обосновать дату его обращения ни отсылкой на авторитетный документ, ни историческими фактами, выстроенными с безупречной логикой. Более того, эти авторы ни слова не могут сказать о деятельности Павла Петровича в масонских ложах, об его участии в масонских церемониях и обрядах. Даже портреты Павла, на которых он изображен с масонской символикой, по мнению Т.А.Бакуниной, написаны были уже в XIX столетии [5; 50] и в силу этого не могут служить доказательством масонства Павла. Естественны также вопросы: в какую именно ложу вступил Павел Петрович и к какому направлению в масонстве он примкнул? И на этот вопрос ответа не дается, исключая разве что откровенно фантастические, вроде того, что цесаревич был, по данным П.Морана, иллюминатом (иллюминатов в России не было вовсе) или состоял членом ложи «Малый свет» в Риге.

Остановимся еще на некоторых аргументах, высказанных в литературе в поддержку тезиса о масонстве Павла.

Твердо установлено, что многие тогдашние монархи и члены королевских домов, например, шведский король Густав III и прусский король Фридрих-Вильгельм, были масонами, почему бы Пав-

ду, по логике многих авторов, им не быть? Более того, признавая эволюцию многих думающих и читающих людей XVIII в. от вольтерьянства к масонству, авторы указывали на возможные параллели между Пруссией и Россией. Прусский король Фридрих II — вольтерьянец, а его сын и наследник — масон; российская императрица Екатерина II — вольтерьянка, тогда сын ее просто обречен быть масоном. Действительно, Павел довольно рано перестал быть вольтерьянцем, но от вольтерьянства он пришел не к масонству, а к религии отцов — православию. Искреннее и теплое православие Павла Петровича можно считать твердо установленным. Считаясь с этим фактом, но настаивая на масонстве цесаревича, ряд историков делали вывод о том, что масонство могло привлечь Павла Петровича не только борьбой с материализмом энциклопедистов, но и своим религиозным характером; якобы и Павел по своему душевному складу не чужд был экзальтации, мистике, даже оккультизму. Последние выводы делались авторами на том основании, что Павел Петрович жарко молился у святых икон (паркет заметно вытерт его коленями), нередко умиляясь и обливаясь слезами, верил гаданиям. Баронесса Оберкирх в своих письмах (достоверность их с точки зрения многих историков сомнительна) сообщает о беспредельной вере Павла в сны и пророчества. Якобы и Михайловский замок был выстроен в результате видения, посетившего императора. Однако подобные построения доказывают лишь, что Павел Петрович, как и всякий русский православный человек, не чужд был и некоторых суеверий, но никак не доказывает его склонности к масонской идеологии, ибо имеется одно кардинальное различие: отношение к церкви.

Проследить отношение Павла Петровича к христианским конфессиям удобнее всего после ноября 1796 г., когда оно вылилось в законченную государственную политику. Павел I, как известно, в течение своего непродолжительного царствования попытался реставрировать в России самодержавную модель власти с учетом экономических, политических и идеологических реалий конца XVIII в., к каковым надлежит отнести разложение феодально-крепостнического хозяйства, втягивание экономики России в мировой рынок, торжество абсолютизма, основанного на идеях европейского просвещения, необходимость борьбы, в том числе и идейной, с победоносной революционной Францией, наличие сановной фронды в Российской империи, оживление крестьянского движения в 1796 — 1797 гг. и многое другое.

Именно руководствуясь этими соображениями, Павел предпринял ряд энергичных мер для укрепления Русской Православной Церкви. Так, император щедро награждал высших иерархов орденами, душами, землей, драгоценными наперстными крестами и т.п. Указом от 18 декабря 1797 г. Павел увеличил общую сумму жалованья духовенству более чем на 100 %. Одновременно в 2–5 раз увеличивались земельные наделы архиерейских домов и монастырей. Улучшалось материальное положение сельских священников: указом от 3 декабря 1798 г. они освобождались от повинностей по несению караульной службы и содержанию полиции; указ 11 января 1798 г. предписывал прихожанам обрабатывать земли священника (церковный надел присоединялся к крестьянской запашке, а священник получал от крестьян натурой или сообразно с рыночной ценой на сельскохозяйственную продукцию). Одновременно предпринимались шаги, имевшие целью упрочить церковное влияние в массах. Ряд павловских указов отменял тяжелые штрафы за уклонение от исповеди, имевшиеся в России с петровских времен, — вместо них вводится церковное покаяние; указ 31 января 1801 г. разрешал прихожанину исповедоваться в любое удобное для него время. Павел склонен был использовать сельский клир в деле «успокоения» крестьян. Так, указ от 1 мая 1797 г. предписывал священникам «... отвращать народные возмущения», при этом разрабатывались очень конкретные меры для поощрения и наказания священнослужителей в этой части.

Вообще меры по укреплению положения сельских священников весьма характерны для царствования Павла I. Указ от 22 декабря 1796 г. обеспечил будущность детей сельских священников — они направлялись на вакансии по церквам, их использовали в качестве учителей и приглашали на военную службу. Павловским законодательством облегчалось получение соответствующего образования: в 1797 г. были вновь открыты Вифанская, Брацлавская и Переяславская духовные семинарии; в 1800 г. семинарии открылись в Калужской, Оренбургской, Пермской, Саратовской и Слободско-Украинской епархиях. Очень существенно (более чем в пять раз) увеличилось денежное содержание духовных академий в Москве, Петербурге, Киеве и Казани, заметно (примерно в два раза) увеличивались правительственные ассигнования на содержание семинарий.

Были значительно переработаны программы обучения в духовных академиях. Кроме специальных курсов, в них преподавались «полная система философии и богословия», «высшее красноречие», физика, латынь, греческий, древнееврейский, немецкий и французский языки. Двух лучших семина-

ристов за казенный счет могли посылать для обучения в академию. Государство пыталось контролировать и нравственный облик священно- и церковнослужителей. Так, специальным указом им запрещено было посещать питейные дома.

Павел не был чужд религиозной веротерпимости, особенно по отношению к другим христианским конфессиям. Император решительно пресек всяческие гонения на старообрядцев, так характерные для «просвещенной» Екатерины; им возвращались конфискованные ранее книги. Такая же терпимость была проявлена по отношению к униатам и католикам. Так, при Павле митрополит Сестренцевич-Богущ, ставший с 1798 г. кардиналом, возглавлял специально учрежденный департамент для управления делами римско-католической церкви, но выступал за отделение католической церкви России от Рима. Павел наградил его орденом Андрея Первозванного и Иерусалимским крестом. Юстиц-коллегию при Павле возглавлял барон Гейкинг, одновременно курировавший консисториальные дела у лютеран, кальвинистов и католиков. Гейкинг полагал, что католики в России, как и во всем мире, должны признавать примат папы, в силу этого барон считался врагом Сестренцевича, что не мешало ему в высоких чинах служить империи и императору. В своих записках Гейкинг передал позицию императора по этому вопросу. Павел заявил барону: «Я предоставляю вам самые широкие полномочия относительно ваших господ пасторов. Глядите во все глаза и сообщайте мне; я знаю, что многие из них пропитаны духом новшеств и обнаруживают воззрения, сходные с теперешними французскими учениями. Законосуществующим в моем государстве вероисповеданиям я всегда буду покровительствовать и, следовательно, и служителям их; но пусть они не уклоняются от подобающего повиновения законам, иначе я накажу их примерно, потому что они будут вдвойне виноваты» [41; 378]. Таким образом, позиция Павла по отношению к католикам состояла в следующем: они должны подчиняться законам, а закон им покровительствует.

Павел более чем Екатерина «уважал традиционные структуры на окраинах империи» и не проявлял такого стремления к унификации государства, как Екатерина, чем, безусловно, укрепил империю. Павел отказался от применения насилия и принуждения при обращении украинских и белорусских униатов в православие. По поручению императора минский губернатор, действительный статский советник Корнеев ездил по своей губернии, чтобы понять, почему народ равнодушен к православной церкви. В рапорте на высочайшее имя Корнеев предложил конкретные меры для исправления ситуации, главнейшая из которых состояла в следующем: «Просить Минского и Волынского архиепископа Иова разрешить служить униатским попом, *чтобы не творить никакого насилия*» (выделено нами. — Ю.С.). Павел согласился [42; 1561–1563]. Для сравнения: Екатерина после разделов Польши распустила униатские епископства, и до 1796 г., по крайней мере, 1,8 млн. униатов были насильственно возвращены в православие [43; 65]. Павел осуждал насилие в вопросах веры, выступал за свободу совести де-факто, требуя лишь соблюдения законов.

Ничего общего с надысторической и универсальной религиозностью масонов, с их горячим отрицанием церкви и церковно- и священнослужителей мы не находим ни в конфессиональной политике императора, ни в его приватной жизни.

Укажем еще на одно обстоятельство. Для европейских историков тот факт, что короли Пруссии и Швеции были масонами, никак не отразился ни на статусе этих государств, ни на проводимой ими политике, ни на судьбе их народов, по крайней мере, в глобальном плане. Принято считать, что членство в масонских ложах — приватное дело Густава III и Фридриха-Вильгельма. И только для отечественных историков подозрения в масонстве Павла Петровича выступили основаниями для однозначно негативных оценок его политики.

Масонские реминисценции, с точки зрения А.М.Пескова, можно наблюдать в коренных нравственных императивах Павла (честность, справедливость, верность), которые наряду с его религиозностью, романтизмом и рыцарственностью, с точки зрения многих авторов, выдают в нем масона. На подобные упреки в адрес Павла Петровича проще всего ответить язвительным замечанием П.Н.Милокова: «Когда молодой писатель того времени рисует себе полный контраст с изображенной выше сатирой на «вольтерьянца», когда он стремится наделить свой идеал всеми возможными «достоинствами», у него сам собой выходит из-под пера житейский кодекс масона» [23; 346]. Мысль видного русского историка предельно понятна: достаточно приписать той или иной фигуре русского XVIII в. высокие достоинства, как немедленно оказывалось, что эти качества соответствуют масонскому идеалу, масонскому нравственному кодексу. Таким образом, под пером некоторых дореволюционных, советских и современных авторов, сочувствующих Павлу, наделявших его самыми высо-

кими качествами, выписывается образ, который они без всякой иронии склонны трактовать как тождественный масонскому.

Остановимся на рыцарственности Павла Петровича. Еще несколько лет назад рыцарственность и романтическая приподнятость толковались авторами как дурные для наследника и государя качества [44]. Однако в новейшей литературе понятие «рыцарственность» реабилитировано, более того, понятия «русский рыцарь», «рыцарь Российской Империи» не только широко используются, но даже выносятся в заглавие как сущность авторского отношения к своему герою [45]. Ричард Уортман полагал, что «Николай I не прочь был вести себя как рыцарь. Его любовь к императрице подавалась как благородный акт самозабвенной преданности» и далее «Александр II был рыцарем, покровительствующим беспомощному существу (будущей жене. — Ю.С.)» [46; 345, 486]. Подобную метаморфозу — признание рыцарственности Павла явлением глубоко положительным — пережили и младшие современники Павла I. Н.И.Греч в своих знаменитых мемуарах осуждает те качества Павла Петровича, которые можно обозначить как рыцарские. Но, когда 1 августа 1851 г. состоялась церемония открытия статуи Павла в Гатчине Н.И.Греч, рассказывая читателям «Русского художественного листка» об этом событии, пишет, что русские люди увидят в статуе «лик государя, который водворил с собой на троне любовь к порядку, уважение ко всему достойному уважения, строгую справедливость и нелицеприятную грозную кару пороку, беспредельную щедрость заслуге и достоинству». И далее: «Но в конце сего века (XVIII. — Ю.С.) Россия вознеслась еще выше, сделавшись не покорительницей, а защитницей народов, употребив грозные силы свои на великодушные, бескорыстное вспоможение слабым против сильных, утеснением против утеснителей, правым против неверных, верующим против нечестивцев» [47; 1]. Под пером Н.И.Греча Павел предстает настоящим рыцарем.

Тем не менее особая рыцарственность Павла, наряду с якобы имевшейся у него ненавистью к Екатерине, многими трактуется как реальный двигатель павловских реформ. Вслед за мемуаристами считал Павла «романтическим императором» А.С.Пушкин; «коронованным Дон Кихотом» назвал Павла Петровича А.И.Герцен. Историк Н.Я.Эйдельман трактует это качество императора, во-первых, как производное от неверно понятых средневековых рыцарских кодексов чести; во-вторых, как следствие определенным образом интерпретированных масонских идей, образов; в-третьих, как результат влияния идей, идущих в общем контексте развития революционного романтизма в Европе на основе неприятия буржуазной революции во Франции [48; 72–76]. Историк считал «рыцарственность» Павла I одним из решающих моментов, определявших его мирозерцание, качеством, повлиявшим на его внутреннюю и внешнюю политику и поэтому имевшим общероссийское значение.

Мы не склонны видеть в романтизме Павла ни квинтэссенцию его личности, ни основного идеологического обоснования его деятельности. Напротив, романтический флер павловских писем и приватных бесед, соответствующие поступки императора не должны скрывать сущностные начала ни в его политике, ни в самой его личности. Павел Петрович вовсе не склонен был смотреть на мир сквозь розовые очки и не пытался воевать с ветряными мельницами. Его политика была подчинена потребностям империи и направлена на укрепление абсолютизма, на максимально возможную централизацию государственного аппарата, усиление личной власти монарха. Она представляла собой адекватную реакцию (с точки зрения самодержца) на великие идеи и принципы французской буржуазной революции и особенности российской социально-политической жизни (еще не изжитые попытки сановитой фронды ограничить самодержавие, усилившиеся крестьянские волнения, отсутствие единого законодательства и пр.).

Объективное содержание политики Павла I никак нельзя считать утопией. Однако методы ее проведения, ориентированные на чрезвычайную скорость претворения задуманного в жизнь и «железную лозу» и основанные на известном пренебрежении к личной свободе и праву дворянина, сами по себе не могли быть успешными. Но эти методы утопичны лишь постольку, поскольку вообще утопичны попытки любой центральной власти путем «закручивания гаек», репрессий, подавления личной свободы добиться политической стабильности и динамичного, поступательного развития государства. Что же касается форм, в которые Павел облакал свои начинания, то они вполне традиционны для России и не отличаются заметно ни от предшествующего, ни от последующего царствования. Более того, романтическая струнка, хоть и не чужда была Павлу, вовсе не определяла его натуру. Он был более джентльмен, чем средневековый рыцарь. Почтительность и любезность с дамами, умение помнить свои обещания, стремление поступать сообразно законам и правилам, им же установленным, отмечают у Павла многие современники и трактуют их как проявление «рыцарства времен прошедших». Думается, названные качества порождены французским воспитанием государя, придворным

этикетом и особенностями характера, нежели некими мистическими рыцарскими обрядами. Иными словами, нет других подтверждений романтического рыцарского мировоззрения Павла I, кроме утверждения мемуаристов да двух-трех словечек самого императора.

О.Ю.Захарова справедливо толкует конец XVIII – начало XIX вв. как время увлечения идеалами рыцарского средневековья. Ритуалы рыцарства внедрялись в придворную жизнь. Конные рыцарские ристалища («карусели») с заменами на механическую карусель прижились при русском дворе. Первое подобное действие состоялось на Царицыном лугу в Петербурге в 1766 г. В его честь была выбита золотая медаль, на одной стороне которой была изображена императрица Екатерина II, на другой — само ристалище с парящим орлом. Действо повторилось 20 и 25 июня 1811 г., при Александре I. Всякий раз избирался победитель, провозглашавший королеву и проч. [49; 106–112]. Весьма характерно, что подобных светских забав при Павле не существовало. Следует, таким образом, признать, что некая рыцарственность, сопровождаемая соответствующими играми и церемониалами, не есть характеристика только павловской эпохи и только Павла. Следовательно, мы должны, опираясь на тягу к рыцарственности, относить к масонам всех ее носителей — от Екатерины II до Александра II, либо перестать считать Павла I масоном на основании его рыцарственности, да еще и дурно истолкованной. Справедливости ради отметим, что историки прежде всего ставят в вину Павлу Петровичу принятие им под свое покровительство Мальтийского ордена именно в силу его рыцарственности.

По мнению О.П.Ведьмина, в XVIII в. Мальтийский орден трансформировался в масонство. Аргументы историка в пользу этого утверждения таковы: академик А.Н.Пыпин в публицистической статье заметил, что мальтийское рыцарство отчасти было похоже на масонских тамплиеров, а Т.Соколовская полагала, что Мальтийский орден по своей обрядности близко подходил к высшим рыцарским степеням шведского масонства [44; 26]. Оставим в стороне параллели между мальтийскими рыцарями и масонами, но попробуем доказать, что принятие мальтийского ордена под русское покровительство вполне объяснимо политическими реалиями.

В литературе появление мальтийских рыцарей в России связывают с именем Юлия Ренато (Юлия Помпеевича в православии) Литты. Он родился в Милане в 1763 г. в весьма знатном семействе; с 17 лет записан в мальтийские рыцари, много воевал на море. В январе 1789 г. с рекомендациями гротмейстера герцога Рогана поступил на русскую службу в чине капитана I ранга. Командовал легкой гребной флотилией на Балтике. За мужество в первом Роченсальмском сражении (1789 г.) получил орден св. Георгия, золотую шпагу с надписью «За храбрость» и чин контр-адмирала, однако год спустя уволился с русской службы. В 1795 г. Литта по поручению Рогана приехал в Петербург хлопотать о возвращении Мальтийскому ордену доходов с Острожского приорства (В 1773 г. по взаимному соглашению держав, участвовавших в разделе Польши, устанавливалось польское приорство ордена св. Иоанна Иерусалимского с шестью командорствами. Центром его стал г. Острог, на содержание польского приорства должно было отпускаться 180 тысяч флоринов. Хлопотать об этих деньгах и приехал Литта в Россию в 1795 г.) и был принят «как старый друг», однако денег не получил. 17 сентября 1798 г. Литта принял русское подданство, за что был пожалован Павлом I графским титулом и командорством, но уже 18 марта 1799 г., из-за конфликта с Ф.В.Ростопчиным Литта уволен «без прошения» в отставку. Вскоре он был возвращен, но служба сделалась Литте неинтересна, ибо его привлекла вполне счастливая и обеспеченная частная жизнь — ему удалось утроить доходы от имения жены и уплатить все долги. 9 июля 1811 г. Александр I назначил Литту членом Государственного совета, а Николай I сделал графа обер-камергером (камер-юнкер А.С.Пушкин по службе был ему подчинен) и пожаловал ему орден Андрея Первозванного. Скончался Юрий Помпеевич 26 января 1839 г., честно послужив четырем российским императорам. Николай I должным образом оценивая это, присутствовал на похоронах [50; 211–215].

Ни в жизненном пути, ни в деяниях графа Литты мы не находим ничего такого, что позволило бы считать справедливым мнение о нем как об «авантюристе», «политическом проходимце», «шарлатане», высказанное в литературе. Литта действительно пытался убедить императора Павла I, что мальтийский орден может стать своеобразным оплотом христианства против неверия и защитником монархии против якобинства. При таком подходе («борьба с неверием») известное противоречие между православием и католицизмом неминуемо должно было отойти на второй план. Литта доказывал, что Россия могла бы, опираясь на структуры ордена, объединить дворянство Европы, вне зависимости от национальности и подданства, в борьбе с французской революцией. Павел I, действительно желавший противопоставить русское влияние в Европе французскому, а равно обосноваться твердо на Мальте, чтобы иметь в Средиземном море надежную базу, заключил с гротмейстером мальтий-

ских рыцарей специальную конвенцию. Польское гранд-приорство уничтожалось, вместо него утверждалось Великое Приорство Российское, состоящее из десяти командорств, на содержание которых отпускалось 300 тысяч флоринов. Специально оговаривалось, что гранд-приорство и командорство «не должны ни под каким видом жалованы быть кому-либо иному, кроме подданных империи» [51]. Специальным указом Павел оговорил правила управления именьями, отошедшими к командорствам мальтийского ордена. В частности, командор не мог претендовать на получение большего денежного оброка, чем платили казенные крестьяне по последней ревизии; не имел права «заводить фабрики и заводы», т.е. заниматься предпринимательской деятельностью; не имел права сводить леса, а тем более торговать лесом; всякого рода сделки с именьями, входящими в командорство, в том числе сдача их в аренду, строжайше запрещались; в деревнях сельскохозяйственные угодья делились таким образом, чтобы крестьянам отходило 2/3 земли, а владельцу 1/3 и т.д. [52].

Гроссмейстер мальтийцев герцог Роган с благодарностью прислал в Петербург орденскую святыню — крест, который носил один из самых знаменитых мальтийских рыцарей Ла Валетт и предложил императору Павлу I сделаться «протектором», т.е. покровителем, защитником ордена, на что император дал согласие. 11 января 1799 г. появился указ о создании корпуса кавалергардов, шефом которого назначался Литта, а лейтенантом — князь В.П.Долгоруков. Последний после отставки Литты возглавил корпус. Вскоре на основе этого корпуса (3 апреля 1799 г.) учреждался «двор великого магистра державного ордена св. Иоанна Иерусалимского». Формированием личного состава корпуса занимался исключительно В.П.Долгоруков. Личный состав корпуса составлялся им на основе унтер-офицеров Конной Гвардии, а также «служащих в присутственных местах при письменных делах, имеющих чин коллежского регистратора». Привлекались и недоросли, преимущественно из Малороссии. Штаб-, обер- и унтер-офицеры, назначенные в корпус кавалергардов, жаловались Павлом I в мальтийские рыцари. Других мальтийских рыцарей, кроме кавалергардов, по большому счету, в России никогда не было. 11 января 1800 г. корпус трансформирован в полк, т.е. поступил в общий состав войск России, с неизменными требованиями дисциплины, подчинения уставам и проч., удержав единственную привилегию: стража у трона при венчании на царство российских монархов назначалась только из кавалергардов [50; 48–51]. Нижний состав полка, т.е. двора мальтийских рыцарей, формировался после этого за счет перевода из армейских кирасирских полков, а офицеры переводились из Конной гвардии [50; 52]. Других мальтийских рыцарей, скажем еще раз, в России не было.

Изгнание папы Пия VI из Рима и оккупация Мальты французами, из-за бездействия гроссмейстера Гомпеша удавшаяся французами очень легко, имели значительные последствия. Папа лишил Гомпеша гроссмейстерства, что вызвало одобрение большинства мальтийских рыцарей. Тогда-то и возникла идея предложить гроссмейстерство протектору ордена. Существуют сведения, что Павел I снесся с папой, пригласил его в Россию и с его согласия принял на себя гроссмейстерство. 29 ноября 1798 г. в Георгиевском зале Зимнего дворца Литта от имени Капитула (т.е. Совета) ордена держал речь и торжественно провозгласил Павла I гроссмейстером («гранд-метром»), поднеся соответствующие акт и регалии.

Мальтийские рыцарские обряды в России, за участие в которых Павла так часто упрекали, действительно имели место. Так, при участии Павла I, императрицы Марии Федоровны, наследника Александра Павловича и при огромном скоплении народа проходил главный орденский праздник — обряд сожжения костров накануне Иванова дня, известный еще с Палестины, когда рыцари сжигали белье своих странноприимных домов. Не участвовать в подобных церемониях гроссмейстер и протектор ордена, конечно же, не мог. Отказ Англии, захватившей Мальту, вернуть остров ордену стал одной из причин, приведших к резкому ухудшению русско-английских отношений, что, в конечном счете, привело к заговору и цареубийству в ночь с 11 на 12 марта 1801 г.

Таким образом, даже беглое обращение к фактической стороне дела позволяет сделать вывод о том, что у Павла к мальтийским рыцарям была прежде всего «любовь политическая», в руководстве ордена наличествовали только русские подданные, да и большинство мальтийских рыцарей в России считали своим родным украинский язык. Параллели же между мальтийцами и масонами становятся вовсе неуместными — не зачислять же в масоны всех офицеров-кавалергардов, пожалованных в мальтийские рыцари.

Некоторые авторы, в частности О.П.Ведьмин, полагают, что Павлу принципиально были чужды краеугольные камни будущей теории официальной народности — православие, самодержавие, народность — на том основании, что Павлом I создана «самодержавно-масоно-рыцарская идеология» [44; 198]. Разберем это утверждение.

Петр I отказался от самодержавной модели власти и попытался заменить ее иной моделью, основанной на идеях просвещения. Еще Д.А.Хомяков указывал: «Вся суть реформ Петра сводится к одному — к замене русского самодержавия абсолютизмом. Самодержавие, означающее первоначально просто единодержавие, становится с него римско-германским императорством... Царь есть «отрицание абсолютизма» именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которые служат той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной» [53; 103]. Кризис абсолютистской модели власти и в еще большей степени ее идеологического обоснования, проявившиеся вполне наглядно в 1775–1793 гг., заставили Павла Петровича искать новые начала в управлении империей. Он нашел их в самодержавии, т.е. в той модели власти, идеологической основой которой является православное мировоззрение. Русские православные люди XVIII в., и Павел Петрович в том числе, разумели под православием, самодержавием и народностью вовсе не то, что современный историк О.П.Ведьмин, но для последнего это не может быть основанием для отрицания в деятельности Павла наличия этих высоких принципов. Впрочем, О.П.Ведьмин прав, когда указывает, что идеология при Павле была самодержавной.

Справедливости ради укажем, что едва ли не первым на историческую роль Павла I и его реформ в плане возвращения к самодержавным началам и православным ценностям указал И.Л.Солоневич, видевший в царствовании Павла Петровича достаточно полное воплощение идеала «народной монархии». Во многом прав историк начала XX в. В.И.Вишняков, заметивший, что вне православия невозможно понять ни личности, ни деяний Павла [54; 8].

Наконец, многие современные авторы должны разделить ответственность за логику научного исследования, подобную логике Г.И.Чулкова: «насколько Павел был «уловлен» Новиковым, мы не знаем. Мы не знаем также, когда именно Павел был «посвящен», однако едва ли можно сомневаться в том, что он был посвящен» [55; 42]. Уверенность подобных авторов в масонстве Павла Петровича вряд ли будет поколеблена какими бы то ни было рациональными доводами.

Таким образом, членство Павла Петровича в масонских ложах не только не доказано, но и, смею утверждать, не может быть доказано при нынешнем состоянии источниковой базы. Одновременно мы никоим образом не готовы считать русских масонов XVIII в. врагами православия, церкви, империи и т.п. Наше понимание значения деятельности «вольных каменщиков» в России XVIII в. восходит к пушкинскому. В статье «Александр Радищев» А.С.Пушкин указывал, в частности: «В то время существовали в России люди, известные под именем *мартинистов* (выделено Пушкиным. — Ю.С.). Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия, ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды. ... Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на фран-масонских ужинах» [56; 31–32]. «Коварное злословие» — так определил национальный гений измышления на масонов XVIII в., не изжитые и по сей день.

#### Список литературы

1. Соловьев О.Ф. Масонство в России // Вопросы истории. — 1988. — № 10.
2. Старцев В.И. Русские масоны XX века // Вопросы истории. — 1988. — № 6.
3. Хасс Л. Еще раз о масонстве в России начала XX века // Вопросы истории. — 1990. — № 1.
4. Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. — М.: Терра, 1990.
5. Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. — М.: Интербук, 1991.
6. Масонство в его прошлом и настоящем: В 2 т. — М.: ИКПА, 1991.
7. Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. — СПб.: Лань, 2000.
8. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. — СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2001.
9. Масонство и масоны. Вып. 1. — М.: Культура, 1994.
10. Митрополит Антоний. Послание о масонстве // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. — М.: Терра, 1990.
11. Лопатин В.С. Суворов не был масоном // Иванов О.А., Лопатин В.С., Писаренко К.А. Загадки русской истории. Восемнадцатый век. — М.: Древлехранилище, 2000.
12. Песков А.М. Павел I. — М.: Молодая гвардия, 1999.

13. *Пушкин А.С.* Заметки и афоризмы разных лет // А.С.Пушкин. Полн. собр. соч. — Т. 12. — М.: ЦентрКом, 1996.
14. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 4. — СПб.: Диамант, 1996.
15. *Пытин А.Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. — Пг.: Огни, 1916.
16. *Бердяев Н.А.* Жозеф де Местр и масонство // Масонство и русская культура. — М.: Искусство, 1998.
17. *Зафесов Г.Р.* Тайные рычаги власти. — М.: Мысль, 1984.
18. *Платонов О.А.* Тайная история масонства. Документы и материалы. — Т. 1. — 2. — М.: Русский вестник, 2000.
19. *Худушева И.Ф.* Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства. (Конец XVIII — первая треть XIX вв.). — М.: ИФ РАН, 1995.
20. *Микешин М.И., Воронцов М.С.* Метафизический портрет в пейзаже // Философский век. Вып. 2. — СПб., 1997.
21. *Юрков С.Е.* Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре. (XI — начало XX вв.). — СПб., 2003.
22. *Пустарнаков В.Ф.* Масоны // Исторический лексикон. XVIII век. — М.: Изд. центр АЗ, 1996. — С. 489–493.
23. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. — Т. 3. — М.: Прогресс, 1995.
24. Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1983.
25. *Чечулин Н.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. — СПб.: Тип. В.С.Балашева, 1889.
26. *Геллер М.* История российской империи. — Т. 2. — М.: МИК, 2001.
27. *Де Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. — М.: Новое литературное обозрение, 2002.
28. Тайная история масонов. Документы и материалы. — Т. 1. — М.: Русский Вестник, 2000.
29. *Зеньковский В.В.* История русской философии // Масоны и русская культура. — М., 1998.
30. *Телепнев Б.* Франмасонство в России // Тайная история масонов. Документы и материалы. — Т. 1. — М., 2000.
31. Русская православная церковь против масонства // Тайная история масонов. Документы и материалы. — Т. 1. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. — С. 12 — 205.
32. *Аббат Баррюэль.* О злоумышлениях и тайнствах масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы // Тайная история масонов. Документы и материалы. — Т. 1. — М., 2000. — С. 392–431.
33. *Ольховский Е.Р.* Тайны и авантюры в российской истории. — СПб.: Нева: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
34. *Сорокин Ю.А.* Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. — Омск, 1999.
35. *Сорокин Ю.А.* Павел I. Личность и судьба. — Омск, 1996.
36. Русская старина. 1901. — № 30.
37. *Шумигорский Е.С.* Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. — Т. II. — М.: Интербук, 1991.
38. *Сергеев В.И.* Павел I. — Ростов н/Д: Феникс, 1999.
39. Государственность России. Кн. 3. — М.: Наука, 2001.
40. Русская старина. 1874. — Т. IX.
41. Русская старина. 1887. — Т. 56.
42. Русский архив. 1869.
43. *Капеллер А.* Россия — многонациональная империя. — М.: Прогресс-Традиция, 1997.
44. *Ведьмин О.П.* Масоны в России. 1730–1825 гг. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998.
45. *Захарова О.Ю.* Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С.Воронцов. Рыцарь Российской империи. — М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2001.
46. *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. — М.: ОГИ, 2002.
47. *Греч Н.И.* Открытие памятника императору Павлу Петровичу в Гатчине // Русский художественный листок. 1851. — № 32.
48. *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. — М.: Мысль, 1986.
49. *Захарова О.Ю.* Светские церемониалы в России XVIII — начало XX вв. — М.: Центрполиграф, 2001.
50. *Бондаренко А.Ю.* Кавалергарды: история, биографии, мемуары. — М.: Воениздат, 1997.
51. Конвенция, заключенная между его величеством императором всероссийским и державным орденом Мальтийским и его преимуществом гроссмейстером. — СПб.: Императорская типография, 1798.
52. ПСЗ — I. Т. XXIV. — № 17946.
53. *Хомяков Д.А.* Православие, самодержавие, народность. — Минск: Беларуская грамата, 1997.
54. *Вишняков В.И.* Император Павел I. Опыт применения принципов православия к историческим исследованиям. — Пг., 1916.
55. *Чулков Г.И.* Император Павел I // Императоры. — М.: Олимп: АСТ, 2001.
56. *Пушкин А.С.* Александр Радищев // А.С.Пушкин. Полное собрание сочинений. — Т. 12. — М., 1996.